

ПОДБОРКА 5

*

прямолинейность леса, кривизна
тропы, проложенною бабочкой со сна,
касается сакрального сюжета,
где дух парит, теряясь в хлопьях света,
лучом случайно бабочку пронзя.

в раю больничном свет из купороса
течёт без остановки с потолка.
здесь бабочка, вытягиваясь в плоскость,
в себя вбирает мягкие бока.
сон плещется за веками её же,
где не пойми какая кутерьма,
где мальчики по имени Серёжа
ей пришивают новых два крыла.

*

есть много разных видов из окна:
хвосты мостов,
плакучие фонтаны,
разинутые пасти рыб и львов
в их одиночестве, когда они без пары.

их бронзовые щёки на ветру
мы трогали на случай, чтоб обратно
пройти по ним, прикормленным на ласку,
пока неспешно облака коляска
с луны пятнистой снимет кожуру.

а позже, выйдя через сад, уже в саду,
или точнее, перед входом самым
мы взяли зонт из урны, дождь не шёл,
но потянуло дынною прохладой.

есть много разных видов, но из всех
печальней там, где рейс на пересадку,
и облака, берущие разбег,
в конце концов, к подобию порядка.

*

ничего. ничего. ничего.
это солнце лежит за ручьём.
это вишня цветёт,
лепестками крошась.
это сердце стучится в плечо —

абрикосовой косточкой в мякоть,
если вынуть его,
запечатать
вместо клетки в почтовый конверт.
где-то птица кричит,
где-то гром
разнимает деревья на щепки.
и плодом повисая на ветке,
сердце бьётся. его почтальон
обронил. осознай он потерю.
это птица кричит,
это гром,
это сердце стучит под дождём.

*

и [мы] хранит молчание, пока
весь алфавит накопленный к губам
является порой,
а мы трусливо
его не замечаем, если сам
он не облепит лист,
промчавшись мимо,
как мошкара,
личинки летним зноем
откладывает в сладостном покое
и наугад.

машинописных палочек возня
не жалит звук,
кружков и перекладин
своих вонзя
в плоть беззащитной глади
к телескопическому летнему стыду
сожительства местоимений.
на пруду
[они] гуляют под лебяжьим пухом,
что зажимает рот,
не дав ни звука.

мы у пруда уже
и входим в летний сад,
который слепо сумраком объят.
как те [они],
но пух осел и замер.

*

под снегом вязы,
отражённые в пруду,

как конькобежцы, набирая скорость,
почти что параллельны льду.
и сила, что толкает их вперёд
преодолеть сомнения и робость,
не та же самая, что яблоки в саду
срывает с ветки,
а другая сила,
где вышитое облако пунктиром
хрустит на воздухе,
не уловимом взглядом.

они стоят —
отсюда их не видно —
на линии, на тонкой полосе,
и даже если
из замёрзших ран их
стекает сок осенних спелых ягод,
они стоят.

небесных тел над ними,
светящихся, роящихся плеяд,
как в атласе, который раскрошили
на крошево, созвездий мириад.
и даже если
этих тел осколки
осыплются куда попало над,
они стоят.

их отражает пруд
прозрачного космического «с нами»,
прозрачного космического «тут»,
они стоят,
овеянные снами.